

М. Полани

Личностное знание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М11

М. Полани

М11 Личностное знание / М. Полани – М.: Книга по Требованию, 2013. – 342 с.

ISBN 978-5-458-38533-6

Эпистемологическая концепция М. Полани противостоит и позитивизму, и «критическому рационализму» постпозитивизма. Он одним из первых в англо-американской философии подверг серьезной критике позитивистское противопоставление философии науке, тезис о беспредпосылочности (философской ненагруженности) научного знания, свойственные позитивизму наивно индуктивистские представления о логике научного открытия. Он настаивает на том, что человеку свойственно не абстрактное проникновение в суть вещей самих по себе, но соотнесение реальности с человеческим миром. Поэтому любая попытка элиминировать человеческую перспективу из нашей картины мира, считает автор, ведет не к объективности, а к абсурду. Сердцевиной теории познания М. Полани является его эпистемология неявного знания. Изложению этой концепции и посвящена данная монография, впервые вышедшая в 1958 г. в Англии, а затем переизданная в 1962 г. в США.

ISBN 978-5-458-38533-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Автор подвергает критике кантовское *argioi*, через которое, как утверждает он, знание явлений редуцируется к порядку без проникновения в структуру вещей самих по себе и их внутренних взаимоотношений. Смысл же научного исследования М. Полани видит в проникновении во внутреннюю рациональность и объективную структуру реальности. Научные гипотезы не выводятся прямо и непосредственно из наблюдения, а научные понятия — из экспериментов. М. Полани настаивает на отсутствии «логического моста» между фактами и теорией, обосновывает невозможность создания логики научного открытия как формальной системы. Теоретико-познавательная концепция М. Полани, таким образом, нацелена на преодоление как плоско-эмпирического, так и формально-логицистского подходов.

Сердцевиной теории познания М. Полани является его эпистемология неявного знания. Изложению этой концепции и посвящена данная монография, впервые вышедшая в 1958 г. в Англии, а затем переизданная в 1962 г. в США.

Цель исследования автор видит в изучении процесса научного познания как постижения объективных связей универсума с учетом исключительной конструктивной роли субъекта познания. «Я показал, — утверждает М. Полани, — что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания. Вокруг этого центрального факта я попытался создать систему согласованных взглядов, которых я искренне придерживаюсь и для которых не вижу никаких приемлемых альтернатив» (с. 19 настоящего издания).

Автор пытается переосмыслить свойственное позитивизму понимание объективности, как чисто эмпирической фактуальности, исходящее из противопоставления объекта познания его субъекту. Он настаивает на том, что человеку свойственно не абстрактное проникновение в суть вещей самих по себе, но соотнесение реальности с человеческим миром. Поэтому любая попытка элиминировать человеческую перспективу из нашей картины мира, считает автор, ведет не к объективности, а к абсурду.

В книге М. Полани содержится целый ряд интересных историко-научных экскурсов, оригинальных наблюдений, относящихся к психологии научного творчества

(роль интуиции в научном открытии, эвристический смысл критериев красоты в математике и естествознании и др.).

Специфика подхода М. Полани к познанию связана с тем, что он одним из первых западных исследователей стал изучать роль неконцептуализированных форм передачи знания (посредством демонстрации, подражания, с использованием остенсивных определений), где логико-вербальные формы играют лишь вспомогательную роль средств в коммуникативном взаимодействии. Автор пытается показать роль навыков, научной сноровки, мастерства, которые приобретаются лишь практическим участием в научной работе. На этом основании М. Полани подвергает критике традиционное разделение процессов научного исследования и профессионального образования, считая их сторонами единого процесса развития человеческого знания.

Содержание второй и третьей частей монографии целиком посвящено изложению концепции, которая прежде всего и связывается с именем М. Полани в западной философии науки — теории неявного знания. Сам М. Полани считал ее главным результатом своей теоретической деятельности.

Основным стержнем концепции неявного знания является положение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицируемого, и периферического, неявного, скрытого, имплицитного. Причем имплицитный элемент познавательной активности субъекта трактуется не просто как неформализуемый избыток информации, а как необходимое основание логических форм знания. Согласно представлениям М. Полани, в каждом познавательном акте познавательная активность субъекта направлена либо непосредственно на объект, либо на систему, включающую этот объект в качестве элемента. Чем более познавательный процесс фокусируется на целом, тем более подчиненным ему, функциональным относительно него становится знание его элементов. Поэтому при ориентации на целое знание его составляющих приобретает периферический, неявный, неэксплицируемый характер. Применительно к каждому конкретному познавательному акту оба типа знания можно описать в терминах логической дизъюнкции. Однако если рассматривать процесс познания в целом, то оба описанные выше типа знания находятся в отношении дополнительности.

Понятие неявного знания включает в себя не только периферическое знание элементов некоей целостности, но и те интегративные процессы, посредством которых оно впоследствии включается в центральное. Процесс познания, таким образом, предстает как постоянное расширение рамок неявного знания с параллельным включением его компонентов в центральное, фокальное знание. Любые определения, считает М. Полани, «лишь сдвигают область неявного, но не могут элиминировать ее». Центральным пунктом полемики М. Полани с традиционной в западной философии эпистемологической установкой является тезис о полной осознанности познающим субъектом собственных ощущений и восприятий. Автор «Личностного знания» настаивает на том, что получаемая через органы чувств информация значительно богаче той, что проходит через сознание, и «человек знает больше, чем может сказать». Неосознанные ощущения (subception) и образуют эмпирический базис неявного знания.

Неявное знание лично по определению. М. Полани настаивает на том, что и в эпоху гигантской кооперации научно-исследовательской деятельности основу научного прогресса все же составляет личное проникновение ученого в суть исследовательской задачи. Условием же успешного функционирования научного коллектива является приобретение его членами общих «интеллектуальных навыков», которые, не будучи всецело эксплицируемы, составляют фундамент совместной работы ученых.

Раскрыть содержание самого понятия неявного знания мешает, считает М. Полани, трудность семантического характера, обусловленная гносеологической природой этого типа знания как скрытого, имплицитного, подразумеваемого. Поэтому М. Полани стремится дать его операциональное определение, вскрывая функционирование этого типа знания в процессе познания. Рассмотрению этого вопроса в значительной мере посвящена третья часть монографии. Неявная компонента, считает М. Полани, проявляется в самых различных познавательных актах. Это и уяснение смысла дескриптивных терминов, заключенных в кавычки, то есть употребленных в переносном смысле, специфика понимания которых у разных людей образует «личный коэффициент». Да и в использовании терминов в их прямом значении, настаивает М. Полани, всегда есть «риск семантической неопределенности», поскольку нет величин, чтобы логически соиз-

мерить степень соответствия понятия его денотату, его предметному значению. Поэтому любой термин, утверждает М. Полани, нагружен неявным, имплицитным знанием. Следовательно, для адекватного понимания смысла термина необходимо реконструировать теоретический контекст его употребления. Наконец, скрытое знание, считает М. Полани, проявляется и в процессе логического вывода. «Дедуктивные рассуждения могут быть невыразимы в словах, и даже наиболее полная формализация логических операций включает в себя неформализуемый неявный коэффициент». Формализации может быть подвергнута лишь объектная теория, а метатеория неформализуема. Семантическая же интерпретация теории всегда остается за познающим субъектом.

Концепция неявного знания, безусловно, представляет значительный интерес как для философа, так и для психолога, а также специалиста по социологии познания. Вместе с тем исследователь, стоящий на марксистских позициях, обнаружит серьезные изъяны в этой концепции, которые в значительной степени уведут по ложному пути анализ исследуемых М. Полани важных и реальных феноменов.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что автор предлагаемой книги по-настоящему не видит диалектики явного и неявного знания. Несмотря на все имеющиеся оговорки, неявное знание выступает у него по преимуществу только в одном качестве: как некий глубокий слой, на котором возвышается знание явное, эксплицированное, попавшее в фокус сознания. М. Полани не отрицает в принципе возможности экспликации неявного знания, однако считает эту экспликацию довольно поверхностной, не способной проникнуть в подлинные глубины «неизреченного». В результате такого понимания за пределами исследования остается как принципиальный процесс диалектического перехода неявного знания в явное, так и порождение явным знанием знания неявного. Именно эти процессы, играющие важную роль как в развитии науки, так и в формировании индивидуального познания и сознания, стали в последнее время предметом изучения ученых-марксистов. Вместе с тем принятый подход не позволяет М. Полани увидеть то принципиально важное обстоятельство, что рефлексия неявного знания способна не только эксплицировать его некоторые поверхностные слои, но и может при опреде-

ленных обстоятельствах перестроить всю структуру знания в целом. Именно это происходит как в критические моменты развития личности, так и в кризисные периоды развития научного знания, в частности, во время научных революций. Да и сам генезис науки, формирование и развитие первых научных программ невозможно понять, если не учитывать той решающей роли, которую играло в этом процессе сознательное формулирование предпосылок и методов исследования.

Отмеченный существенный изъян теоретической концепции М. Полани влечет за собой другой — не менее значимый. Тезис о поверхностности всякого рода попыток эксплицировать неявно используемые ученым правила и нормы исследования последовательно ведет автора к утверждению того, что какая бы то ни было методологическая рефлексия, логический анализ научного знания, не могут играть серьезной роли в развитии науки, порождении в ней нового содержания. Справедливо критикуя формалистическую методологию логического позитивизма, подчеркивая роль неформальных, содержательных компонентов в научном исследовании, автор из верного положения о невозможности полной алгоритмизации и формализации познания, из справедливого тезиса о том, что никакой метод не может подменить искусства и таланта ученого, делает ложный вывод о малой пользе методологических исследований вообще. Главным моментом, определяющим принятие ученым той или иной научной теории, по М. Полани, является не степень ее критического обоснования, ее сознательного соотношения с принятыми в науке нормативами, а исключительно степень личностного «вживания» в эту теорию, степень неэксплицированного доверия к ней. Категория веры является для М. Полани, по существу, центральной для понимания познания и знания.

Нужно заметить, что взаимосвязь веры и знания — это реальная проблема. Вера вовсе не обязательно носит религиозный характер, и всестороннее исследование познавательного процесса, в частности диалектики обоснования и развития знания, знания достоверного и вероятного, должно включать анализ гносеологической функции веры.

Проблема веры выступает в теоретико-познавательном исследовании по крайней мере в двух смыслах. Прежде всего в смысле доверия к показаниям органов чувств, возможностям познания проникнуть в объективную ре-

альность. Это такое доверие, которое не противостоит познанию, а вплетено в саму его структуру, является его неотъемлемой предпосылкой, постоянно подтверждаемой общественной практикой. Философский скептицизм, пытающийся усомниться в этой коренной предпосылке всякого знания, губителен и для науки, и для культуры в целом (эта сторона проблемы хорошо показана М. Полани). Вместе с тем проблема веры выступает в познании и в другом аспекте: когда речь идет об отличии знания обоснованного, подтвержденного, от знания пока еще не подтвержденного (или не подтвержденного в достаточной степени), то есть принимаемого на веру. В процессе развития познания происходит переход от знания более или менее гипотетического, принимаемого в той или иной степени на веру, к знанию достоверному, приближение (как показывает марксистская философия) к абсолютной истине посредством истин относительных. Конечно, процесс этот достаточно сложен, и всякая относительная истина содержит в себе момент гипотетичности, а значит, и элемент знания, принятого на веру. Однако суть дела состоит в том, что в процессе развития знания происходит накопление элементов абсолютной истины.

М. Полани смешивает два разных смысла проблемы веры в теоретико-познавательном анализе и не понимает диалектики вероятного и достоверного знания. В итоге в его концепции, по существу, теряется граница веры и знания. Вера у него, по существу, замещает, вытесняет механизмы сознательного обоснования знания. В этом «посткритическая» концепция М. Полани приходит в разительное противоречие с той специфической чертой научного знания в XX столетии, которая состоит в мощном развитии философско-методологической рефлексии, диктуемом потребностями самой науки, вплетении этой критической рефлексии в саму ткань научного знания (достаточно напомнить о развитии исследований по обоснованию математики, о философско-методологических спорах вокруг теории относительности и квантовой механики и т. д.). Именно это обстоятельство лишний раз подчеркивает уязвимость ряда принципиальных для М. Полани моментов его концепции неявного знания.

Акцент на «живаемость» в теорию, на доверие к ней при недооценке роли критически-рефлексивного к ней отношения заставляет М. Полани делать выводы о невозможности доказательства или отвержения фундаменталь-

ных научных убеждений, о том, что не существует критериев истины и лжи и т. д., то есть выводы, явно неприемлемые с позиций научной марксистско-ленинской философии и, по существу, парализующие всякое методологическое исследование.

И хотя М. Полани всячески подчеркивает свое неприятие субъективизма и релятивизма, логика его концепции ведет автора именно к релятивистским выводам: например, о том, что само отделение науки от религии является некоторым на веру принятым догматом, что предпочтение, даваемое астрономии по отношению к астрологии, основано исключительно на вере в первую и неверии во вторую и т. д.¹ Само приобщение человека к науке М. Полани рассматривает как акт некоего личного обращения, проводя далеко идущие аналогии с обращением в ту или иную религиозную веру.

Поэтому не случайно в его концепции исчезает проблематика прогресса знания (хотя и говорится достаточно много о его исторической изменчивости). Ведь в рамках принятых автором посылок принципиально невозможно сформулировать какие бы то ни было критерии прогресса знания, так же как и критерии истины. Остается лишь уповать на то, что знание дает нам истину, позволяет постичь рациональный порядок мира, остается просто доверять стихийно осуществляемому процессу научной деятельности без всяких попыток управлять этим процессом, сознательно оценивать его результаты, перестраивать его на основе определенных критериев.

С концепцией неявного знания связана и теория личного знания. М. Полани, конечно, прав, что знания могут быть получены только конкретными людьми, личностями, что, чем оригинальнее эта личность, тем больший вклад в культуру, науку она может внести, что процесс творчества неформализуем, что никакая машина не может заменить живого человека, в том числе и ученого-исследователя. Вместе с тем М. Полани недостаточно раскрывает социальный характер самого индивидуального бытия человека, самой структуры его личности, а значит, и того, что можно называть личностным знанием. Между тем, как показано в марксистских исследованиях, социален не только язык, на котором исследователь должен

¹ Столь же субъективистский характер имеет тезис М. Полани о том, что отличие научного знания от ненаучного основано на субъективном согласии ученых.

сообщать свои результаты, социально-исторически обусловлены и те доконцептуальные, вербально неформальные познавательные акты, которые прежде всего имеет в виду М. Полани, когда он рассуждает о неявном знании.

Самое же главное состоит в том, что М. Полани смешивает процесс получения знания и его результат. Конечно, всякое знание может быть получено только конкретной личностью. Однако же смысл знания именно в том, чтобы выразить некоторое вневличное, объективное состояние окружающего мира. Объективная истина, как подчеркивает В. И. Ленин, это такое содержание наших представлений, которое не зависит от человека и человечества. Истина не зависит от того, кто ее разделяет в данный момент (а именно такую «привязку» истины к конкретной личности М. Полани предлагает осуществить в одном из мест своей книги). Автор подменяет процесс гносеологической оценки знания на его истинность, объективность анализом психологического процесса его получения (что ведет к резкой психологизации всей философской концепции М. Полани).

И, наконец, автор, по существу, не видит различия двух форм существования знания: непосредственно личной и непосредственно коллективной. Между тем форма существования научного знания (и не только теории, но и экспериментальных результатов) существенно иная, чем форма существования индивидуальных навыков, восприятий, воспоминаний и т. д. Если вторая неотделима от личности, ее особенностей (хотя и всегда социально опосредована), то первая существует в общественном, а не в индивидуальном сознании, прежде всего в сознании определенного научного сообщества. Такие принципиально разные формы существования влекут и разные формы отношения к этим типам знания и разные способы его использования (в частности, проверка научного знания, роль критической рефлексии в процессе его развития и т. д.). И то, что характерно для личного знания (в частности, слитность в нем знания и переживания) как раз не характерно для непосредственно коллективных форм знания. Перенос особенностей одних форм знания на другие (именно это и совершает М. Полани, отождествляя все знание с личным) ведет к искаженному пониманию научного знания в целом, места в нем личностных и вневличных компонентов.

Уязвимость концепции М. Полани в целом во многом

упирается в принципиальное непонимание им роли социальной практической деятельности как той основы, развитие которой определяет и генезис, и функционирование познания вообще, научного познания в частности. Нужно при этом подчеркнуть, что речь в данном случае не может идти просто о том, что М. Полани не знаком с марксистской литературой по этому вопросу, а о принципиальном неприятии им подхода диалектического материализма. Правда, неприятие им марксизма не означает, что он его понял (представления М. Полани о марксистской философии, о социальной теории и практике марксизма были весьма искаженными, и то, что написал о марксизме М. Полани, не делает ему чести). Именно неверное представление о связи научного познания и практической деятельности, о взаимоотношении науки и техники, фундаментальных и прикладных исследований лежит в основе многих ложных утверждений М. Полани и в конечном счете объясняет его неспособность осмысленно поставить и решить вопрос о критерии истины. На этом нет необходимости останавливаться подробно. Стоит отметить только, что развиваемые М. Полани идеи о чуждости для чистой науки соображений практической пользы стали в наше время анахронизмом даже для западного науковедения.

Советский читатель обнаружит в книге и ряд других изъянов. Так, например, обращает на себя внимание узость того психологического материала, который философски осмысливается автором, игнорирование им достижений советской психологии, неверное представление об учении И. П. Павлова и др.

И вместе с тем издание книги на русском языке вполне обоснованно, учитывая авторитет автора как ученого среди естествоиспытателей и специалистов по истории и методологии науки, а также оригинальность его концепции научного познания. Заслуживает внимания советских читателей и критика М. Полани позитивистского подхода к теоретическому знанию, стремление исследовать роль социально-культурных факторов в развитии науки. Марксистское осмысление и решение поставленных в книге вопросов могут стимулировать дальнейшее развитие диалектико-материалистической теории научного познания.

**Доктор философских наук,
профессор В. А. Лекторский**

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Несмотря на то что перевод текста с одного языка на другой едва ли можно отнести к разряду познавательной деятельности, анализ этого процесса мог бы послужить прекрасной иллюстрацией к некоторым положениям М. Полани.

Перевод настоящей книги с английского языка на русский оказался делом непростым. И не столько потому, что автор свободно оперирует специальными знаниями из самых различных областей, сколько в силу тех самых особенностей мышления и языка, которые стали основным предметом самой этой книги. «Личностное знание» (personal knowlege), «личностный коэффициент» (personal coefficient), «неявное знание» (tacit knowlege), «убежденность» (belief), «страстность» (intellectual passion), «вовлеченность» (commitment) — все эти термины образуют не только понятийный каркас книги М. Полани, но во многом определяют само ее построение, творческий метод и стиль мышления автора.

Текст Полани имеет предельно индивидуальную, личную окраску, возникающую благодаря тому, что читатель как бы присутствует при рождении мысли. Характер изложения нельзя назвать систематическим.

Стремление автора высветить главную идею всеми возможными способами — в историко-философской перспективе, в скрупулезном историко-научном исследовании, в полемике, через аналогии и метафоры — делает текст насыщенным, многослойным, избыточным и специальной терминологией, и художественными образами, и юмором. Главная мысль, проходящая красной нитью сквозь всю толщу используемого автором культурного материала, облекается в зависимости от контекста в различные формулировки. Благодаря такому построению слова, которые автор употребляет на всем протяжении книги, постепенно приобретают все больше смысловых оттенков, наполняются теми специфическими значениями,